

Проблемы интерпретации сюжета «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского в текстологическом аспекте¹⁰⁴

NATALIA A. TARASOVA, *Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences*
nsova74@mail.ru

Received: March 12, 2017.

Accepted: June 10, 2017.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию творческой истории романа «Преступление и наказание» Достоевского. В работе анализируются проблемы интерпретации указанного произведения — романного сюжета, художественных образов и идей. В работе учитывается обширная научная литература, посвященная проблемам поэтики «Преступления и наказания», а также христианской теме как основе сюжета. Один из важных аспектов, анализируемых в статье, — разнородность и противоречивость исследовательских оценок романа «Преступление и наказание», принципиально различное понимание характера Раскольникова и отношения этого героя к вере и Богу. Второй аспект анализа — открытость финала и вопрос о раскаянии преступника. В зависимости от того, как эти вопросы решаются исследователями, то или иное толкование получает и сюжет романа в целом. Особое значение для понимания этих проблем имеет текстологический анализ материалов к роману — черновых рукописей произведения, основная часть которых сосредоточена в рабочих тетрадях Достоевского. Обращение к рукописному тексту, то есть к «творческой лаборатории» автора, позволяет увидеть художественный замысел в развитии и дает возможность оценить степень достоверности исследовательских суждений о романе. Кроме того, анализ рукописей «Преступления и наказания» способствует уточнению текста Достоевского: в статье исправлены ошибки, содержащиеся в публикациях рукописного текста и искажающие смысл авторских записей, а значит, и идей. Восстановление подлинного авторского текста важно для достижения адекватной интерпретации всего материала и более точного понимания художественных образов, тем и мотивов произведения.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», текстология.

Problems of Interpretation of the Plot in Dostoevsky's “Crime and Punishment”: Textual Aspects

ABSTRACT

The article is devoted to the creative history of Dostoevsky's novel “Crime and Punishment”. It analyzes the problems of interpretation of the work, such as its plot, artistic images and ideas. The study takes into account the extensive scientific literature on the poetics of “Crime and Punishment”, as well as Christian theme as the basis of its plot. One of important aspects analyzed in the article is the diversity and inconsistency of previous research assessments of the novel, and thus fundamentally different understanding of the character of Raskolnikov and his relation to faith and God. The second aspect of the analysis is the openness of the novel's ending and the question of the criminal's remorse. The novel's plot is known to receive different interpretations depending on how researchers interpret the above aspects. Of particular importance for understanding of such problems is the textual analysis of the novel's materials (draft manuscripts, most of which are located in the author's working notebooks). Addressing the handwritten text of the author, i.e., his “creative laboratory”, allows us to see his artistic vision and process in development, and thus to evaluate the reliability of previous research assessments of the novel. In addition, the analysis of the manuscripts of “Crime and Punishment” contributes to further elaboration of Dostoevsky's texts: the

¹⁰⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10034), ИРЛИ РАН.

article corrects errors made in earlier publications of handwritten texts that distort or misinterpret the meaning of the writer's notes, and hence his ideas. Restoration of the authentic text is important to achieve adequate interpretation of the material and a more accurate understanding of artistic images, themes and motifs of Dostoevsky's work.

Keywords: Dostoevsky, "Crime and Punishment", textual criticism.

В настоящее время мысль о том, что Достоевский — христианский писатель, не нуждается в обосновании, хотя отношение его к христианству и характер проявления христианских идей в его творчестве исследуются с разной степенью приближения к этой теме. Роман «Преступление и наказание» вызвал самые разноречивые суждения, касающиеся как характера главного героя, так и сюжета. В многочисленных работах отмечены основные источники романной проблематики — Библия, древнерусская книжность, народнопоэтическое творчество. Христианская тема исследовалась на уровне сюжета и композиции произведения, системы образов и мотивов, особенностей хронотопа, на лексическом уровне. Все эти аспекты подробно изучены (обзор работ на эту тему см.: Тарасова, 2015).

О принципах романного сюжетообразования написано также достаточно много. Справедлива мысль о том, что «Преступлению и наказанию» свойственно «единство противоположностей в комплексе мотивов, образующих *основу сюжета*» (Тамарченко, 1997: 79). К. В. Мочульский указал на принцип сюжетно-композиционного противопоставления ключевых сцен и образов произведения, имеющих нравственно-религиозное значение: «Сцене со Свидригайловым противопоставляется сцена с Соней, злому ангелу — добрый, «бане с пауками» — воскресение Лазаря» (Мочульский, 1995: 370). Многие авторы писали о значении мотива двойничества, актуального в целом для произведений Достоевского и проявляющегося в частности в «Преступлении и наказании» (М. М. Бахтин, Ю. Ф. Карякин и др.). В научной литературе сложилась традиция со- и противопоставления персонажей романа (М. С. Альтман, Д. Барсотти, В. Е. Ветловская, Т. А. Касаткина, Г. А. Мейер, Н. А. Натова, Р. Н. Поддубная, Г. М. Фридлендер и др.).

Исследованы символика дат и роль христианского календаря в романном сюжете, а также проявление христианских идей на собственно текстовом уровне — в библейских цитатах и аллюзиях, среди которых важнейшие — история о воскресении Лазаря (в тексте Достоевского — именно это слово: «воскресение», а не «воскрешение»; в исследовательской литературе используются оба варианта) и исповедь Мармеладова с ее темой прощения грешников (Т. В. Бузина, В. Н. Захаров, Т. А. Касаткина, Б. Н. Тихомиров и мн. др.).

При этом есть вопросы, в восприятии которых взгляды исследователей существенно расходятся. Во-первых, это *проблема отношения главного героя к вере и Богу*. В зависимости от того, как этот вопрос решается исследователями, то или иное толкование получает и сюжет романа в целом. В до- и постсоветский периоды «Преступление и наказание» воспринимали как «роман о действии греха в человеке» (Касаткина, 2005: 204), и таков вектор понимания этого произведения и в русской религиозной философии рубежа XIX—XX веков, и у представителей церкви.

Ю. Ф. Карякин обратил внимание на то, что Раскольников «так и не раскрыл Евангелия, переданного ему Соней», и, по мнению исследователя, эпилог романа

свидетельствует не столько о христианском разрешении темы, сколько о нравственно-духовном (вывод, свойственный советскому достоевсковедению): «Достоевский очень хотел сказать: «Их воскресил бог». Но этого — нет. Он сказал: «Их воскресила любовь». Это — есть» (Карякин, 1976: 82). Существует иное, не идеологизированное, объяснение: по мнению К. Кроо, герой не раскрывает Евангелие, потому что, находясь в поисках «нового слова», «его он сам созидает в душе, лично, и не по буквам, взятым из Писания» (Кроо, 2005: 203).

Понимание характера Раскольникова обусловлено не только свободой или несвободой исследователей от идеологизированных оценок, но и внутренне противоречивой сущностью самого образа, созданного Достоевским. Достаточно показательна в этом отношении разноречивая интерпретация ответа Раскольникова на вопрос Порфирия Петровича о вере в Новый Иерусалим (об этом см. подробнее: Тарасова, 2016). В словах героя видят и твердое «Верую» (Касаткина, 1994: 83)¹⁰⁵, и прямо противоположное — неверие (Виноградов, 2005: 513; Епишев, 2003: 92; Щукин, 2010: 316).

Во-вторых, множество интерпретаций породил *открытый финал романа*. Начиная с самых ранних критических откликов, споры вызывал вопрос о возрождении Раскольникова. Так, по мысли Н. Н. Страхова, воскресение героя «рассказано в слишком общих чертах, и сам автор говорит, что оно относится не к этой истории, а к новой, к истории обновления и перерождения человека» (Страхов, 1867: 526). В советское время эпилог «Преступления и наказания» объявлялся «художественно слабым» из-за исследовательского неприятия христианских идей произведения (Холшевников, 1970: 553; Гус, 1971: 325-326, 333). Дж. Гибиан объяснил «распространенную недооценку эпилога» «невнимательным отношением к той стороне романа, которая раскрывается лишь на символическом уровне» (Гибиан, 1992: 238). Финал «Преступления и наказания» «эпически открыт», подобно житийному повествованию (Истомина, 1976: 11—12), в силу проявления «высшей реальности», символическим отражением которой стали романное пространство и время. Особое значение в эпилоге придает сцене на берегу Иртыша; она определяется как символ происходящего в душе Раскольникова переворота: герой «больше не сознает себя оторванным от людей и — шире (благодаря упоминанию об Аврааме) — от человечества в его прошлом и настоящем» (Гибиан, 1992: 239; ср.: Серопян, 2009: 174-175).

Смысл образов и сюжетных ситуаций проясняют рукописи «Преступления и наказания» (большая часть материалов к этому произведению сосредоточена в рабочих тетрадях Достоевского). Это свод текстов неполных, не всегда завершенных, имеющих черновой характер по преимуществу. Однако рукописи содержат ответы на многие вопросы, так как, несмотря на неполноту источников романного текста, показывают, как рождался сюжет и какие идеи определяли развитие художественных образов будущего произведения.

¹⁰⁵ В тексте романа такова авторская ремарка к первому вопросу Порфирия, о Новом Иерусалиме: «— Верую, — твердо отвечал Раскольников <...>» (ПСС, 6: 201). Здесь и далее текст Достоевского цитируется по Полному собранию сочинений в 30 томах (сокращенно – ПСС), с указанием при цитате нужных тома и страницы. При цитировании опубликованных в ПСС рукописных источников указываются неточности публикации, установленные при ее сверке с автографом.

Черновики едва ли подтверждают мысли исследователей о том, что Раскольников «внутренне не доволен реальным, историческим христианством» (Курганов, 2014: 20), что Соня — лишь «образ дидактический» и не связанный с евангельским текстом (Кирпотин, 1986: 13—14, 127). Несмотря на первоначальный выбор формы повествования от лица героя, черновики совершенно отчетливо показывают дистанцию между героем и автором. И именно в черновом тексте формулируются ключевые идеи «Преступления и наказания» — часто более открыто, чем в самом романе. К примеру, «болезнь» Раскольникова после преступления получает в черновиках (имеется в виду так называемая «Первая (краткая) редакция») более резкие определения (по сравнению с окончательным текстом), касающиеся отношения героя к совершенному им шагу: «Но раз[сказ]{говор} [о преступлении] {об убийстве}<, > бывший подле моей постели между Разумихиным и Бакавиным<, > довел меня до нестерпимой злобы<, > и замечательно еще то, что во всё время этих мучений, этого страха, я <Незавершенная правка: я — не вычеркнуто.> ни разу не почувствовал <Незавершенная правка: не почувствовал — не вычеркнуто.> н[и]{е} [малейшего собствен<ного> сожалени] {подумал}я о совершенном [моем] <В ПСС ошибка: мною> преступлении. Животная злоба и чувство самохранения <Возможна описка автора; в ПСС: самосохранения> поглотили всё» (сверено по записной тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 4. С. 31; разночтения с ПСС выделены подчеркиванием; в квадратных скобках приводится вычеркнутый Достоевским текст, в фигурных — вписанный, в угловых скобках восстанавливаются знаки препинания, отсутствующие в рукописи; ср.: ПСС, 7: 73).

В подготовительных материалах уже достаточно прояснен характер Раскольникова — в частности, черта, определяющая его отношение к вере и вопросы о вере, впоследствии звучащие в окончательном тексте. В рукописи есть антитеза, символически отражающая внутреннюю борьбу, которая разворачивается в душе Раскольникова после преступления: «раскаянный элемент» — «гордый элемент», «гордость демонская» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 3. С. 35/113; ПСС, 7: 132). Определена основа характера, акцент ставится на религиозном понимании образа. В окончательном тексте появляются психологические его характеристики (в речи Разумихина): «... угрюм, мрачен, надменен и горд; в последнее время (а может, гораздо прежде) мнителен и ипохондрик. Великодушен и добр. Чувств своих не любит высказывать и скорей жестокость сделает, чем словами выскажет сердце. Иногда, впрочем, вовсе не ипохондрик, а просто холоден и бесчувствен до бесчеловечия, право, точно в нем два противоположные характера поочередно сменяются» (ПСС, 6: 165).

В рукописи отчетливее проступают причины этой двойственности — например, в наброске Достоевского, в котором говорится о «молитве» Раскольникова. По замечанию в автографе, «молитва» героя «кротка<я>». Вот она: «Господи<!> Если это покушение над старухой слепой, тупой, никому не нужной<, > грех, после того что я хотел посвятить себя<, > то обличи меня. Я строго судил себя, не тщеславье<, > и если б тщеславье, то это законно. Зачем ты мне дал силы. <В ПСС: ?> Без этих денег не мог я жить» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 3. С. 35/113; ПСС, 7: 132—133)¹⁰⁶. В печатном

¹⁰⁶ Ср. в романе: «...возможную справедливость положил наблюдать в исполнении, вес и меру, и арифметику: из всех вшей выбрал самую наименее полезную и, убив ее, положил взять у ней ровно столько, сколько мне надо для первого шага...» (ПСС, 6: 211).

тексте есть другая молитва: «Он почувствовал, что уже сбросил с себя это страшное бремя, давившее его так долго, и на душе его стало вдруг легко и мирно. «Господи! — молил он, — покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!»» (ПСС, 6: 50). Эти слова Раскольникова назвала молитвой В. Е. Ветловская, указав их источник — псалом 142: «Молитва Раскольникова: «Господи! <...> покажи мне путь мой...» повторяет слова псалма. Ср.: «Укажи мне путь, по которому мне идти, ибо к Тебе возношу я душу мою» (Псалт. 142:8). Просьба Раскольникова предполагает ответ, о котором герой пока не помышляет и который заключен в словах Христа: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоан. 14:6)» (Ветловская, 2000: 84). Н. Н. Епишев соотнес процитированные слова Раскольникова с текстом псалмов 24 и 118 (Епишев, 2003: 90—91): «Укажи мне, Господи, пути Твои и научи меня стезям Твоим» (Пс. 24:4); «Укажи мне, Господи, путь уставов Твоих, и я буду держаться его до конца» (Пс. 118:33).

В строках рукописной «молитвы» многое сказано о герое. Убив процентщицу, Раскольников считает себя правым — и именно поэтому его «молитва» (по сути, нечто обратное ей) названа «кроткой». Выбранное слово указывает на отношение самого Раскольникова к происходящему, на его голос, не совпадающий с авторским. Несмотря на определение «кроткая», в речи героя отчетливо проговаривается меркантильный интерес: «Без этих денег не мог я жить» (напомню, что в исследовательской литературе высказывалось мнение о бескорыстии Раскольникова и исключительно «идейном» характере его преступления, см.: Бахтин, 2002: 99; Карякин, 1976: 22), и сама его «молитва» строится как спор с Богом («если это <...> грех, <...> то обличи меня»), причем спор «посвященного», избранного («я хотел посвятить себя»). Здесь возникает аналогия с библейским Иовом, когда тот, убежденный в своей правоте, говорит: «Если это не так, — кто обличит меня во лжи и в ничто обратит речь мою?» (Иов. 24:25).

«Главной идее» романа в рукописи посвящен раздел с соответствующим названием и пометой «Еурѣд!», указывающей на то, что наметилась развязка сюжета: «— С одной стороны похороны и проклятие<, > с другой — воскресенье <В ПСС: воскресение>» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 3. С. 124/24; ПСС, 7: 138). На данном этапе уже определено место Сони Мармеладовой, на что указывают и записи в рабочей тетради, сделанные под заголовком «К сюжету романа (окончательно)» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 3. С. 132/16; ПСС, 7: 136).

И в рукописном, и в печатном текстах Соня мыслится как духовный оппонент героя и одновременно спасающая его сила. Интересно, что упоминания о замысле «Видения Христа», появляющемся в рукописях, но не вошедшем в роман, содержатся среди записей о Соне — во-первых, это заметка: «Главное НВ. Он говорит: Царить над ними! Все эти низости кругом только возмущают его. Глубокое презрение к людям. Гордость. Сообщает Соне свое презрение к людям. Из гордости не хочет. Спорит с нею. {О.} Я не могу примириться с ними. Наконец примиряет<ся> со всеми. Видение Христа <...>» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 3. С. 133/15; ПСС, 7: 135); во-вторых, это набросок: «Встреча с Мармеладовой: ей всё объясняет<, > пулю в лоб. Та восстанавливает его. Бежит от него. Убрала Сясю. Видения <В ПСС: Видение>. Христос <...>» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 3. С. 123/25; ПСС, 7: 139). Судя по уточнению, сделанному по автографу («Видения», а не «Видение», как прочитано публикаторами во втором случае, вероятно, по аналогии с первой записью), появление Христа задумывалось как не единственное «видение»

героя. Впрочем, в окончательном тексте романа эта тенденция отражена — функцию «видений» выполняют сны Раскольникова.

Г. Ф. Коган поддержала предположение (Дж. Гибиан, 1992: 236) о том, что знаменитая сцена чтения Соней Евангелия появилась в «Преступлении и наказании» вместо задуманного в черновиках «Видения Христа», но подчеркнула, что обе сцены могли существовать «в сознании писателя при создании романа с самого начала» (Коган, 1996: 150). Высказывалось также предположение о том, что писатель отказался вводить в роман образ Христа, так как «открытое привнесение мистического элемента в «современнейшее» для 60-х годов произведение нарушило бы внутреннюю логику развития действия в нем» (Лебедева, 1976: 95). В печатном тексте проявилась сознательная художественная установка автора на имплицитность представления «истории Христа» (Тороп, 1997: 107). Таким образом, выражение христианского мироощущения отдано героям, и прежде всего — Соне Мармеладовой, с образом которой в романе связана тема сострадания и любви. Раскольникову послана в лице Сони «в сопутственное руководство» «любовь сострадающая» (Бухарев, 1991: 240). В критической и научной литературе образ Сони связывали с темой святости (Д. С. Мережковский, Н. Я. Абрамович, Д. Барсотти, О. Н. Осмоловский и др.); отмечали также хриstopодобие героини: «Ее измученной и светящейся любовью, жалостью и Христовым утверждением душой — снова и снова явлен миру — Христос» (Абрамович, 1914: 122; см. также: Ключ, 1996: 474).

В рукописях Соня проговаривает некоторые авторские мысли. В целом, голос автора в рукописном тексте отчетливо звучит именно тогда, когда словесную форму обретают важнейшие идеи романа, например: «NB. С самого этого преступления начинается его нравственное развитие, возможность таких вопросов, которых прежде бы не было» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 3. С. 123/25; ПСС, 7: 140). Из исследователей эту мысль воспринял и точно отразил С. А. Аскольдов (не будучи знакомым с рукописными набросками Достоевского): «...осознать жизненную силу нравственного закона иногда нельзя иначе, как преступив его наиболее резким способом. В таких случаях преступление как раз и может быть единственным путем к нравственному возрождению. Такие именно случаи и представляют основную тему главных романов Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы»» (Аскольдов, 1990: 257). Соне в черновиках принадлежат рассуждения о комфорте (в печатном тексте эта тема звучит в речах Порфирия Петровича): «<...> А в комфорте-то, в богатстве-то вы бы<, > может<, > ничего и не увидели из бедствий людских, Бог кого очень любит, и на кого много надеется, посылает тому много несчастий, чтоб он по себе узнал и больше увидел, потому в несчастии больше в людях видно горя <Вариант над строкой: <больше> на <людях> горя приметно>, чем в счастье» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 3. С. 103/45; ПСС, 7: 150). В этих строках также усматриваются связи с содержанием книги Иова (ПСС, 7: 410; см., кроме того: Ионина, 2006; Пономарева, 2009).

В разделе записной тетради, названном «Финал романа», содержится сюжетная антитеза, которая получит развитие в дальнейшем:

«Свидригайлов — отчаяние, самое циническое.

Соня — надежда, самая неосуществимая.

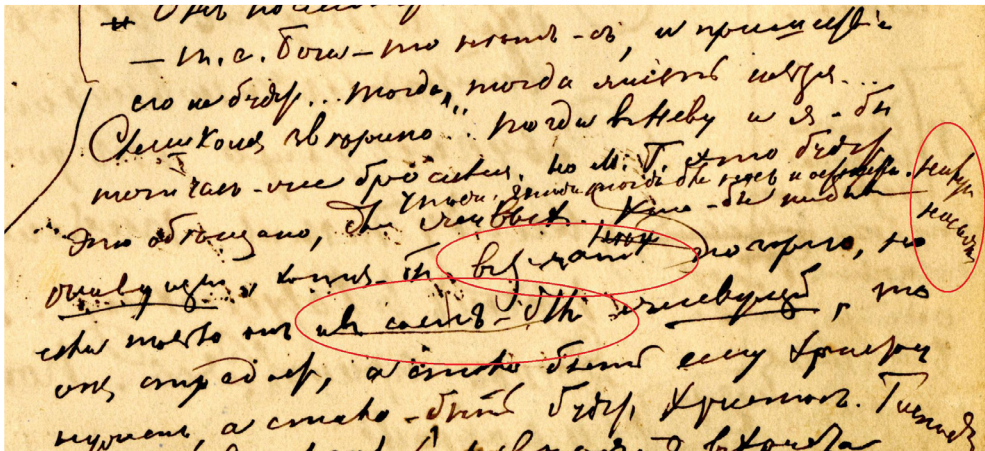
(Это должен высказать сам Раскольников)» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 5. С. 150; ПСС, 7:

204). Однако в окончательном тексте в финале произведения речь заходит всё-таки об осуществимости надежд, по крайней мере — о надежде на обновление жизни.

О надеждах говорит Мармеладов — и в черновиках, и в самом романе, — уповая на Царствие Небесное, на прощение для грешников. «Преступление и наказание», таким образом, имеет кольцевую композицию, подчеркивающую символизм сюжета о воскресении души: роман открывается темой прощения грешников и завершается мыслью о перерождении героя и начале новой жизни.

Фрагмент рукописи со словами Мармеладова неточно прочитан публикаторами: «— Т. е. бога-то нет-с, и пришествия его не будет... Тогда... тогда жить нельзя... Слишком зверино... Тогда в Неву и я бы тотчас же бросился. Но, милостивый государь, это будет, это обещано, для живых. Что же, что же тогда для нас и останется. Никуда нас? <Что же ~ нас? *вписано.*> Нет, кто бы ни был *живущий*, хотя бы в замазке по горло, но если только он *и в самом деле живущий*, то он страдает, а стало быть, ему Христос нужен, а стало быть, будет Христос» (ПСС, 7: 87).

В автографе: «—Т. е. Бога-то нет-с, и пришествия его не будет... Тогда[...} тогда жить нельзя... Слишком зверино... Тогда в Неву и я бы тотчас же бросился. Но<> М<илостивый> Г<осударь,> это будет, это обещано, для живых. {Что же, что же тогда для нас и останется. Нику<да> нас ж<ивых><и>} {Нет}, кто бы ни был *живущий*, хотя бы в злате по горло, но если только он *и в сам-деле живущий*, то он страдает, а стало быть ему Христос нужен, а стало быть будет Христос» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 4. С. 13).

Илл. 1

Здесь выражена идея, исключительно важная для автора и для романа. Речь Мармеладова, как мы знаем, временами близка к высокому стилю, что не удивительно, так как она наполнена библейскими цитатами. В печатном варианте рукописи странно звучит фраза «*живущий*, хотя бы в замазке по горло». Почерк в этом фрагменте чернового текста читается с трудом: запись сделана неразборчиво. Однако правильное

чтение установить возможно. Мармеладов говорит не о «замазке», а о «злате» (форма слова с неполногласием, что соответствует общей тональности «исповеди» героя, сочетающей черты книжного и разговорного стиля). Уточнение текста проясняет суть сказанного. В наброске также говорится об идее комфорта, которую сам автор критически осмысливает в программной для романа заметке «Православное воззрение<:> в чем¹⁰⁷ есть Православие»: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием <...>» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 5. С. 3/4; ПСС, 7: 154).

Исследование творческой истории «Преступления и наказания», с одной стороны, обнаруживает характер различий между черновым и окончательным текстами романа, указывая на трансформацию замысла в процессе авторской работы, постепенную психологизацию сцен и характеров, включение героев в реально-исторический контекст повествования. С другой стороны, анализ черновики позволяет считать определяющей и сюжетообразующей именно философско-религиозную направленность идей, высказанных Достоевским. Сюжет «Преступления и наказания», как и последующих романов, ориентирован на христианскую символику (что выражено как на образно-мотивном уровне, так и в прямой цитации библейского текста), а одной из важнейших особенностей творческого метода писателя становится изображение человека в его метафизической сущности.

REFERENCES

- Абрамович, Н. Я. (1914). *Христос Достоевского*. М.: Изд. И. А. Маевского.
- Аскольдов, С. А. (1990). Достоевский как учитель жизни. *О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов*, 252-263.
- Бахтин, М. М. (2002). Проблемы поэтики Достоевского. В: Бахтин М. М. (Ред.), *Собр. соч.* Т. 6 (с. 6-300). М.: Русские словари: Языки славянской культуры.
- Бухарев, А. М. (1991). О романе Достоевского «Преступление и наказание» по отношению к делу мысли и науки в России [1870]. *Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев) о духовных потребностях жизни*, (с. 213-250). М.: Столица.
- Ветловская, В. Е. (2000). «Арифметическая» теория Раскольникова. *Достоевский и мировая культура*, № 15, 77-91.
- Виноградов, И. И. (2005). Реализм в высшем смысле. К вопросу о типологии реализма Достоевского («Преступление и наказание» Достоевского и «Утраченные иллюзии» Бальзака – опыт сравнительного анализа). В: Виноградов И. И. (Ред.), *Духовные искания русской литературы*, (с. 495-597). М.: Русский путь
- Гибиан, Дж. (1992). Традиционная символика в «Преступлении и наказании». *Достоевский: Материалы и исследования*. Т. 10, 228-240.
- Гус, М. С. (1971). *Идеи и образы Ф. М. Достоевского*. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры.
- Достоевский, Ф. М. (1973). *Полное собрание сочинений: В 30 т.* Т. 6: Преступление и наказание: [Печатный текст]; Т. 7: Преступление и наказание: Рукописные редакции. Л.: АН СССР, Ин-т русской лит-ры (Пушкинский Дом), Наука.

¹⁰⁷ В автографе слово записано нечетко. Возможно прочтение: сем

- Епишев, Н. Н. (2003). Духовные источники творческого вдохновения Ф. М. Достоевского. Псаломские мотивы в произведениях писателя. *Достоевский и современность*, 88-97.
- Ионина, М. А. (2006). Разные переводы Книги Иова и творчество Достоевского 1870-1880 гг. *Достоевский и мировая культура*, № 21, 211-222.
- Истомина, Т. Б. (1976). Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в его связях с древнерусской литературой. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук.
- Карякин, Ю. Ф. (1976). Самообман Раскольникова. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». М.: Художественная литература.
- Касаткина, Т. А. (2005). Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». В: Т. А. Касаткина (Ред.), *Достоевский: дополнения к комментарию* (сс. 203-235). М.: Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького.
- Касаткина, Т. А. (1994). Категория пространства в восприятии личности трагической мироориентации (Раскольников). *Достоевский: Материалы и исследования*, Т. 11 (сс. 81-88). СПб.: Наука.
- Кирпотин, В. Я. (1986). Разочарование и крушение Родиона Раскольникова: (Книга о романе Достоевского «Преступление и наказание»). М.: Художественная литература.
- Клюс, Э. (1996). Образ Христа у Достоевского и Ницше. В: К. Степанян (Ред.), *Достоевский в конце XX века* (сс. 471-500). М.: Классика плюс.
- Коган, Г. Ф. (1996). Вечное и текущее: (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя). В: К. Степанян (Ред.), *Достоевский в конце XX века* (сс. 147-166). М.: Классика плюс.
- Кроо, К. (2005). «Творческое слово» Ф. М. Достоевского — герой, текст, интертекст. *Современная западная русистика*, 54. СПб.: Академический проект.
- Курганов, Е. (2014). Раскольников и другие: (Опыт религиозно-философского комментария к *Преступлению и наказанию*). *Зборник матице српске за славистику. Матица сербская. Отделение литературы и языка*, № 86, 19-51.
- Лебедева, Т. Б. (1976). Образ Раскольникова в свете житийных ассоциаций. *Проблемы реализма*, Вып. III., 80-100.
- Мочульский, К. В. (1995). Достоевский. Жизнь и творчество. В: К. В. Мочульский (Ред.), *Гоголь, Соловьев, Достоевский* (сс. 217-562). М.: Республика.
- Пономарева, Г. Б. (2009). «Книга Иова», книга детства Достоевского, в его творческих отражениях. В: В. А. Викторovich (Ред.), *Ф. М. Достоевский в диалоге культур* (сс. 112-118). Коломна: Коломенский государственный педагогический институт.
- Серопян, С. С. (2009). «Преступление и наказание» как литургическая эпопея. *Достоевский и мировая культура*, № 25, 158-177.
- Страхов, Н. Н. (1867). Наша изящная словесность. Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом Ф. М. Достоевского. Издание исправленное. Два тома. Петербург. Статья вторая и последняя. *Отечественные записки*, Апрель 1867г., Кн. первая, 514—527.
- Тамарченко, Н. Д. (1997). Теодицея и традиционные сюжетные структуры в русском романе. В: В. И. Кулешов (Ред.), *Русская литература XIX века и христианство*

- (сс. 74-82). М.: Изд. МГУ.
- Тарасова, Н. А. (2016). Концепция героя в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: христианский аспект образа Раскольникова. *Русская литература*, № 1, 64-79.
- Тарасова, Н. А. (2015). *Христианская тема в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: проблемы изучения*. М.: Квадрига.
- Тороп, П. (1997). Достоевский: История и идеология. Тарту: Tartu ülikooli kirjastus.
- Холшевников, В. Е. (1970). Первый философский роман Достоевского. *Достоевский Ф. М. Преступление и наказание*. Роман в шести частях с эпилогом, 542-555.
- Щукин, В. Г. (2010). О петербургском «грунте», пшеничном зерне и Новом Иерусалиме (Смысловый контекст одного из мотивов «Преступления и наказания»). *Достоевский: Материалы и исследования*, Т. 19 (сс. 309-319). Спб.: Наука.